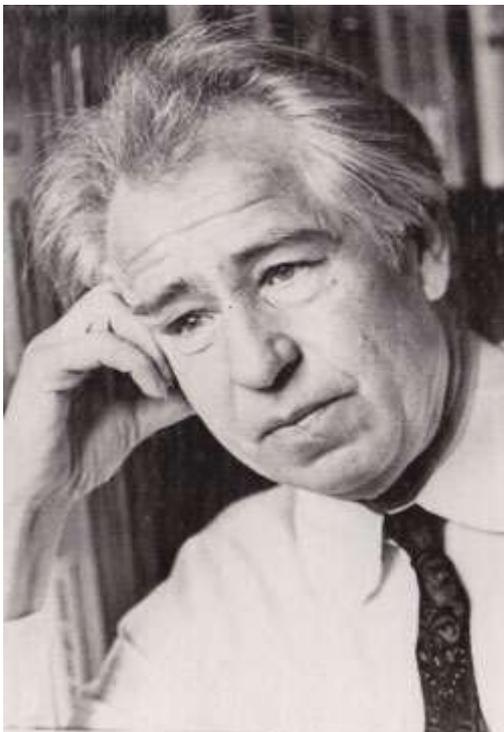

Последний из огненных

[Литература](#) / Литература / Век
[Сорокин Валентин](#)

Исполнилось 100 лет со дня рождения Василия Фёдорова

Поэты моего поколения, русские поэты, в юности, как снегириные гроздья, стаями налетали и, перекликаясь, звенели вокруг Василия Фёдорова. Доступный, порывистый, он поднимал над нами седую косматую голову и, взмахивая руками, сам вместе с нами летел...

Мы видели в нём смельчака, срастившего «распиленный» ствол национального древа поэзии: от Павла Васильева и до нас – рубка, щепки кое-где мелькали, а часть ствола уложена в шахтах Магадана и Певека. Мы, русские поэты, и сейчас это ощущаем – утрату «плотности» слова на поле воображения. Причина – уничтожение поэтов, заметных и перспективных, в поколениях.

В шестидесятые годы трагический фёдоровский афоризм пронзил нас и заставил повернуться лицом к пережитому:

Почему сыны твои, Россия,

Больше всех на свете водку пьют.

Почему?

Не надо удивляться.

Наши деды по нужде, поверь,

Пили столько, что опохмеляться

Внукам их приходится теперь.

Верящий в доблестную державность родного народа, Василий Фёдоров служил ему, болезненно реагируя на ложь и схоластику новоявленных лидеров, бессовестно предающих страну.

У него не было «Василия Фёдорова»: сам поднимал себя и сам унимал собственную боль и тоску по счастью, отобранному у него и у его народа. Превозмог себя и встал рядом с Есениным и Твардовским, встал – с горечью во взгляде и с вешим страданием в сердце.

Берегите меня

До последнего дня.

Берегите меня

До последнего часа.

Берегите меня,

Как цыгане коня.

Чтобы гикнуть потом

И умчаться.

Не уберегли. Люди, умеющие помогать России божьей искрой таланта, отвергнуты, отсунуты, а на сцены и на экраны выпущены стаи малярийных болотных комаров.

Вдохновение – конь крылатый и выносливый, и всадник здесь требуется не банальный. Вот и промчались они – гики слышу... Вот и канули они в синюю дымь России – ветер и сумрак после них. Вот и горизонт русский окаймился – бездонный котлован пустоты гудит. Ну где они, огненные витязи века? Где Гумилёв, где Блок, где Есенин? Где Маяковский?

А братья их меньшие, Васильев, Корнилов, Ручьёв где?..

Василий Фёдоров – последний из огненных. Последний – из отважных. Последний – из умытых маминой слезою. А перед ним – отравленный водкой Павел Шубин, истерзанный туберкулёзом Пётр Комаров, зарезанный трамваем Алексей Недогонов, выброшенный из поезда Дмитрий Кедрин. Это они – от Державина и Пушкина, Лермонтова и Некрасова, Кольцова и Никитина. Огненные всадники!..

Василий Фёдоров запоздало входил в поэзию. Один входил. Ровесники его – почти все погибли. Седой, высокий, благородный – входил, а рядом крикуны падали в обморок на эстрадах, модные, «западные», диссидентствующие.

На фоне «новаторства и революционности» 60-х годов творчество Фёдорова выглядело чуть ли не классическим: речь упругая, яркая, система сравнений и метафор народная, чувство и мысль мастерски слиты, и всё достоверно, всё по-русски, без рыночного акцента на торговлю бессмертными заветами. Русский, как большой и тёплый снег, Василий Фёдоров географично входил в литературу, запасно обеспечен даром и вдохновением, входил, нас, за ним спешащих, прикрывая сибирским крылом надёжным.

Я знаю, благородные случайности взаимосвязаны: я – ученик Василия Дмитриевича Фёдорова. И Бог поручил мне проводить в последний путь учителя. На кладбище, филиале Новодевичьего, «траурный митинг» вёл я. Василий Дмитриевич лежал в гробу – седой, мудрый, красивый. Спокойный и независимый.

Ко мне торопливо обращались его друзья:

– Валентин, не спеши... Раиса Ахматова прилетела!..

– Валентин, Рая Ахматова, Ахматова Рая в аэропорту, прилетела!..

– Валентин, погоди, Ахматова едет!..

И не приехала, а влетела, на такси – и прямо к нему... В распахнутой коричневой шубке. Темноволосая. Кареглазая. Стройная. Поднялась, а говорить трудно. Слёзы на ресницах. Качает головою и молчит...

Я часто их видел в Переделкине, весёлых и смеющихся, не обращающих никакого внимания на встречных, словно лишь вдвоём они, Рая да Вася, Вася и Рая, шли, вечно молодые, по родной земле, он – русский поэт, она – чеченская поэтесса. А за ними – многонародная Россия, СССР!

Уютно было с Василием Дмитриевичем, как с братом старшим. Несуетность и музыка, мятеж и плавность душевного полёта, вера в скорую радость, это – трава, росой напоённая, а может, ковыль седой: сколько его ни топчи монгольская орда, выстоит, выпрямится и засверкает:

Станет Глаша

Пьяной и незрячей,

Чтобы дома,

Радуюсь опять,

С белой кофты след руки горячей

С гордою улыбкой замывать.

Или – из частушки:

Были реки и речонки,

И на каждой, чуть прилгу,

По заплаканной девчонке

Оставлял на берегу.

Это песня. Это лихость. Это удалая пляска вольницы или слеза матери, ворожба, колыбельная при лампе керосиновой или при луне, молчаливой и золотоволосой колдунье края...

Тяга Василия Фёдорова к аввакумовской душевной громадине, к зовущей вершине эпоса, к спасательной твердыне традиции равна его тяге к океанскому шторму бетховенского искусства. Фёдоров, полный народным гневом и народным затишьем, жадно радуется незлобивостью, он – поэт, он – струна, из человеческого сердца и до звезды протянутая:

Вот и море, вот оно волною.

Гальками прибрежными шуришит.

Ничего, что пережито мною,

Не смывает – только ворошит.

Какие-то дьявольские «стратеги» истребляют в нашем народе самых прочных и самых ранимых, думающих пахарей и учёных, рабочих и поэтов, самых свободноголосых и яростнословных:

Брат Родину любил, за это

Врагами был он оклеветан,

И на плацу тюремных плит

Был именем её убит.

Василий Дмитриевич в разговорах со мною нередко возвращался к своей юности, к своей матери, пересказывал мне «видение». Мать его причудилась ему и вздохнула: поэт, дескать, ты поэт, пожала плечами и, горюючи, простила...

Фёдоров – горький поэт. И – сопротивляющийся поэт. Мужество – признак пережитого горя. Человек, выдюживший перед горем – мужественный и грустный внутри себя человек. Фёдоров – мужественный и грустный. Потому – цельный и нежный в утрюмости и бескорыстье.

Я боюсь неколеблящихся философов, учёных, врачей, командиров производства и государства. Ведь истинная неколебимость – от десятков и сотен сомнений и колебаний, заставивших тебя взвесить и решить, дабы встать за правду, выстраданно и по-хозяйски... Горькие люди – стойкие и мудрые люди, и они же к сестре, брату, к отцу, матери и к другу ближе неколеблящихся, несомневающимся... Василий Дмитриевич, помню, читал в Лужниках:

А ведь сердце весёлое

Миру я нёс,

И душой не кривил,

И ходил только прямо.

Ну а если я мир

Не избавил от слёз,

Не избавил родных,

Так зачем же я,

Мама?

Седые чаще тоскуют об отчей деревне. Деревня – природа. А природа не стареет. Она погибает, одолеваемая нашей индустриальностью и паразитизмом. Природа – как память: или покинет тебя, недостойного, или светом верным тебя одарит. Кто не в природе – временное и глубоко несчастное создание, ведь тяга к ней – немая надежда на совершенство, ступень к нравственному и физическому образу, выношенному тобою в потерях и ошибках, в победах твоих и поражениях.

Фёдоров различал меня из многих моих друзей и врагов, хотя врагов я не старался приобретать в дороге, но иногда они сами выросли передо мною и надо мною, – куда увернёшь? Во время суда КПК (Комитет партийного контроля) Василий Дмитриевич приехал ко мне в Переделкино. Распечатал бутылку коньяка поздно ночью и решительно проинструктировал меня:

– Женщин тебе приписывает комитет?..

– Приписывает...

– Начисто откажись!..

– Политику гнёт?..

– Гнёт...

– Напрочь откажись!.. А женщин?.. Женщин и тебя комитетчики за ноги же не держали?.. Ну, по чарке, по чарке... Откажись, кто тебе улика? Женщины... Политика... Ну, по чарке... по чарке... Дадут пару стукачей на тебя – до гроба хватит...

Я обращался к нему только на «вы», а он путал: иногда – «ты», иногда – «вы»... А эти строки, за рулём автомобиля, на свистящей скорости, по трассе, я выхватывал из груди, обжигаясь и плача:

Прощание

Василию Фёдорову

Вот и ты лежишь в земле родимой,

Навсегда суров и молчалив,

А в сибирской пойме лебединой
Реют зори, плещется залив.
Ветер сник на поле Куликовом.
И теперь в Москве не видишь ты,
Как по древним тропам Ермаковым
Прорастают красные цветы.
А в дому скрипит и плачет ставень,
Вечной мглы ему не покорить.
Ну зачем же за себя оставил
Ты меня страдать и говорить?
Свет – призванью и терпенье – людям,
Умираем здесь, а не гостим.
Нужные заветы не забудем.
Грубые обиды не простим.
Не сбегали, мы не уезжали,
Хорошо иль плохо – всё одно.
Нам нигде с тобой за рубежами
Смысла и покоя не дано.
Ведь от совести не отпереться,
В тайниках судьбы не скрыть её.
Кто стрелял в твоё больное сердце,
Тот сегодня ранил и моё.
Снова грозы даль приоросили
И над миром встала синева.
Длинные бессонницы России
Перельются в думы и слова.

Перельются, в душах отзовутся,

Тихо вспыхнут звёздами в ночи.

И к твоей могиле прикоснутся

Их неодолимые лучи.

Неужели не сохранимся мы, русские вселенцы, в чужой и своей памяти, неужели?..

Теги: [Василий Фёдоров](#)